

МОЛОКОВА О. В.

УДК 141.1

ПРОБЛЕМА РАЦИОНАЛЬНОГО КАК ОТРАЖЕНИЕ КРИЗИСА В СОВРЕМЕННОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ

В современных научных исследованиях широкое распространение получает идея конструируемого характера социокультурной действительности. Эта идея подкрепляется выводами целого ряда междисциплинарных подходов (общей теории систем, теории самоорганизации и т.п.), которые формируют более сложные модели реальности и культуры. Дальнейшее развитие данного направления знания открывает перспективы для различных видов гуманитарной деятельности.

Ключевые слова: эпистемология, социальный конструктивизм, социальная философия.

У сучасних наукових дослідженнях широкого поширення набуває ідея конституючого характеру соціокультурної дійсності. Ця ідея підкріплюється висновками цілого ряду міждисциплінарних підходів (загальної теорії систем, теорії самоорганізації і т.п.), які формують більш складні моделі реальності і культури. Подальший розвиток даного напрямку знання відкриває перспективи для різних видів гуманітарної діяльності.

Ключові слова: епістемологія, соціальний конструктивізм, соціальна філософія.

In modern scientific researches the wide circulation is received by idea of designed character social and cultural the validity. This idea is supported with conclusions of variety of interdisciplinary approaches (the general theory of systems, the self-organizing theory, etc.) which form more difficult models of a reality and culture. The further development of the given direction of knowledge opens prospects for various kinds of humanitarian activity.

Keywords: epistemology, social constructivism, social philosophy.

86 ■

Сегодня уже доказанным фактом является утверждение о том, что общество конца XX – начала XXI вв. оказалось в плену системных противоречий, приведших к глобальному кризису человеческой цивилизации. В частности, это выражается в том, что в образе жизни людей происходят существенные изменения, приобретающие крайне болезненные формы и закономерно порождающие вопросы относительно природы как самого человека, так и перспектив эволюции общества, а, следовательно, вообще смысла всей истории человечества. При этом обращает на себя внимание то, что в своих попытках найти

ответы на эти вопросы исследователи все чаще и чаще приходят к следующему выводу: вышеупомянутый кризис вызван не столько социальными, сколько антропологическими факторами. «Глобальный кризис обретает новую природу – антропологическую, и его истоки надо искать на антропологическом уровне, в процессах, происходящих с человеком» – утверждает, например, известный философ и богослов С.С. Хоружий.

По данной тематике видный украинский философ С.Б. Крымский с тревогой писал: «Навіть подолання загрози третьої світової війни не гарантувало виходу зі свого роду

«антропологічної катастрофи» Адже на тлі цивілізаційного піднесення другої половини ХХ століття відбувся справжній вибух сатанинських сил тероризму, фундаменталізму, расизму, наркоманії, еротизму, девіантної поведінки взагалі, масштабного зростання злочинів проти особистості». Вышесказанное не надо обязательно представлять как предисловие к гибели человечества. Точнее, речь идет о некоем его пограничном состоянии, в котором культура вполне ожидаемо размещается в пространстве между жизнью и смертью. И здесь, наверное, стоит прислушаться к словам Ф.М. Достоевского, который в свое время высказал следующую мысль: «Бытие только тогда и есть, когда ему грозит небытие. Бытие только тогда и начинает быть, когда ему грозит небытие».

В целом, можно с большой долей вероятности утверждать, что в настоящее время человечество проходит особый этап своего развития, сутью которого является кардинальное изменение социокультурной парадигмы в сторону ее антропологической направленности, с соответствующей этому трансформацией содержания рациональности. Отстаивая эту точку зрения, мы отталкиваемся от хорошо наблюдаемого факта, что в деятельности современного человека, вернее будет сказать, человека на современном этапе развития европейской цивилизации, культурно-исторические традиции и стереотипы, ориентированные на непосредственную практику бытия людей, уже не играют той генерализованной роли, как это было еще совсем недавно. Теперь жизнь человека все в большей и большей степени начинает определяться схемами, имеющими отчетливо выраженные личностные характеристики. Заметим, что развитие этого явления вовсе не означает движение социальных процессов в некую иррациональную сферу. Просто, как подчеркивается в литературе, современный «субъект стал гораздо сложнее и многограннее, предельно усложнились его

взаимосвязи с социальными измерениями бытия...».

Необходимо сказать, что сделанный нами вывод вовсе не отрицает ни факта самого наличия культурно-исторических традиций в жизни общества, ни факта определенной стереотипности поведения современного человека. Но вместе с тем существенно и то, что произошло значительное уменьшение фундаментальности и автоматизма в характере функционирования различного рода традиций в жизни конкретной личности. А это, в свою очередь, и проявляет себя в том, что мы наблюдаем крутое нарастание внешней независимости в поведении человека, причем независимости активной и где-то даже демонстративной, но, как мы полагаем, все же имеющее под собой рациональное основание.

Обращает на себя внимание то, что еще не так давно подобный стиль поведения был присущ весьма ограниченному кругу людей, которые отличались от остальных своих современников, как правило, духовной свободой, что, собственно говоря, и делало их независимыми. Если отталкиваться от этого факта, то велика вероятность прийти к выводу о том, что «массовый» характер наличия людей с «независимым» стилем поведения свидетельствует о росте духовной свободы в обществе. Но при более тщательном анализе содержания независимости современного человека данный вывод уже не выглядит столь уж безусловным. И чтобы увидеть это, необходимо обратить внимание на то, что одной из причин «антропологического кризиса», о котором говорилось выше, является кризис рационализма, ведущего, в частности, к утрате человеком ощущения его единства с другими людьми.

Заметим, что речь идет только о кризисе, а не исчезновении рациональных оснований организации жизни человека в обществе. Или, иначе говоря, считаем, что рациональность эпохи постиндустриального, информационного общества проходит через такой этап своей трансформации, который, как можно заметить, оказывает деформирующее

влияние на традиционные стороны жизни как человека, так и общества. Сомнение в том, что независимость поведения современного человека определяется его духовной свободой, возникает уже в силу констатации факта наличия механизмов тотальной власти над индивидами, беспрецедентных как по скорости своего распространения, так и по его масштабам. Это заставляет исследователей обратиться к научному анализу механизмов всепроникающего контроля за людьми, выполнить который можно лишь обратившись к вопросу о способах установления истины о разумности человеке.

К такого рода выводу можно отнестись критически, но можно и вспомнить, что еще не так давно, скажем в XIX веке и даже в первой половине XX века ответы на вопросы, касающиеся человека, предлагалось искать преимущественно в особенностях развития социума. Такая направленность следовала из утверждения о том, что главным принципом гуманитарного познания является необходимость изучения законов функционирования крупных систем (социумов, этносов, цивилизаций, формаций и т.п.), как основных законов, раскрывающих сущность человека. Достаточно, в связи с этим вспомнить знаменитый тезис К. Маркса о Л. Фейербахе, в котором он утверждает, что «сущность человека не есть абстракт присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений». Если следовать этому пониманию, то вопрос о разумности человека вообще лишен смысла, поскольку в полной мере он применим только к обществу. А это значит, что в действительности человек разумен ровно настолько, насколько его цели и средства их достижения совпадают с объективными законами развития общества.

В большинстве случаев гуманитарная мысль склонялась к выводу о том, что с самим человеком «ничего не делается: идут великие мировые, социальные процессы, а человек их покорный и неизменный объект, субстрат; по

марксизму, его, собственно говоря, вообще нет – он «продукт общественных отношений», вторичное порождение социальной сферы». В результате такого всеобщего социологизма отдельный индивид оказывался бессодержательной абстракцией в его отношении к социуму. Естественно, что при таком подходе приоритетное значение получает принцип тотальности, согласно которому части целого оказываются идентичными только благодаря идентичности целого и его господству над частями. Поэтому совершенно логично, что и рецепты «лечения» всех возникающих в обществе проблем предлагалось искать преимущественно в сфере социального устройства.

Однако со второй половины XX века исследователи все чаще и чаще, как уже говорилось выше, приходят к выводу о том, что вышеупомянутый кризис вызван не столько социальными, сколько антропологическими факторами. По своей сути это вопрос, который самым непосредственным образом касается проблемы «разумности» человека, что и объясняет возрастание в последнее время интереса к теме рациональности, которая, как об этом можно судить по литературе, сегодня занимает одно из ведущих мест в современной философии. Попутно заметим, что вообще-то тема рациональности постоянно поднимается в философско-гуманитарной литературе. Но в силу своей многоаспектности она вызвала к жизни множество различных концептуальных обобщений, выразив тем самым существующий плюрализм исследователей по этому вопросу. Во-первых, традиционно рациональность понимается как философско-мировоззренческая установка, согласно которой истинными основаниями бытия, познания и поведения людей являются принципы разума.

Отсюда следует, что и методы познания действительности должны быть основаны на разуме. С этой стороны рациональное противостоит иррациональному (от лат.

irrationalis – неразумний, бессознательный), которое, в противоположность рационализму, ограничивает или даже отрицает возможности разума в процессе познания и делают основой миропонимания нечто недоступное разуму или иноприродное ему, утверждая алогичный характер самого бытия. Во-вторых, рациональность трактуется многими учеными как некая структура, имеющая внутренние законы и особенности. При таком понимании научное мышление теряет свою исключительность в отношении рационального. И, что примечательно, «разум перестает в данном случае быть определяющей характеристикой рационального». В-третьих, рациональность отождествляется с определенным принципом, атрибутивным свойством цивилизации. К. Юнг даже делил цивилизации на «рациональные» и «аффективные».

Естественно, что предлагаются и менее общие варианты понимания рационального, но раскрывающие при этом отдельные его стороны. Так, например, Автономова Н.С., рассматривая рациональность как философскую проблему, различает прагматико-функционалистический и ценностно-гуманитарные подходы к ее пониманию. При этом она понимает рациональность как единство рассудка и разума, понимаемое ею как единство рационального и иррационального. Другой исследователь, пытаясь определить методологические принципы изучения феномена рационального, считает, что надо исходить из единства когнитивных и социальных критериев рациональности. Уже этих двух примеров достаточно, чтобы сделать вывод о существовании серьезной методологической проблемы, относительно построения единой метатеории рациональности.

Анализируя содержание рационального в жизни современного человека, исследуя его характерные особенности, необходимо подчеркнуть, что общей причиной сомнения относительно его роли является то, что, как пишет В.А. Лекторский, «та совокупность

идей и идеалов, которая в течение последних столетий во многом определяла развитие не только западноевропейской философии, но и западной культуры в целом, и которую иногда называют «Проектом Просвещения», начинает ныне подвергаться самому решительному критическому переосмыслению».

Сегодня стало понятно, что всеохватывающая экспансия возникшая на рациональных началах технической цивилизации, ее нацеленность безусловное покорение и преобразование природы привели не к благополучию человечества, а к глобальному экологическому кризису, угрожающему самому существованию человека. Все это, в конечном счете, и вызвало сомнение в понимании человека как рационального основания общества. Отсюда, кстати говоря, и причина появления идеи коэволюции общества и природы, содержанием которой является рациональное определение оптимального соотношения интересов биосферы и человечества. Согласно этому принципу, человечество, для того, чтобы обеспечить свое будущее, должно не только изменять биосферу, приспособивая ее к своим потребностям, но и изменяться само, приспособиваясь к объективным требованиям природы. Но выполнить это очевидное требование сложно уже хотя бы потому, что люди «столь радикально изменили нашу среду, – как утверждал отец кибернетики Н. Винер, что теперь для того, чтобы существовать в ней, мы должны изменить себя».

Решить же такую задачу без выявления содержания и границ рациональности человека на современном этапе его развития невозможно, что и делает ее столь популярной сегодня среди философов и ученых как социально-гуманитарного, так и естественнонаучного направлений. И сегодня это привело к тому, что едва ли не главной знаковой приметой современности является формирование негативного отношения вообще ко всей науке как непосредственного носителя

рациональности, отрицание ее роли как направляющей силы общественного развития, что, кстати говоря, стало проявляться еще в период формирования иррационализма XIX века. Тогда негативное отношение к науке, являющееся, как и сегодня, отражением кризиса доверия к разуму, пережило свои три стадии, которые представляли собой, при ближайшем рассмотрении, смену трех исторических форм рациональности – просветительской, гегелевской и неокантианско-позитивистской.

Сегодня же, обращая внимание на продолжение кризиса доверия к разуму в XX веке, можно согласиться с авторами работы, посвященной конфликту науки и этики, которые пишут: «... В последние десятилетия наука стала мишенью острой и далеко не всегда обоснованной критики, причем не в качестве социального института, столь же несовершенного, как и все прочие, а в качестве Третьего Мира К. Поппера – знания об объективной реальности, понимаемого как совокупность строго проверяемых утверждений». Но, приходится признать, что даже такое поэтапное сужение сферы рационального – от тотального разума просветителей до позитивистского естественнонаучного разума – возникшую проблему не решило, поскольку попросту свело ее до уровня сфер ответственности конкретных наук. Ну, а поскольку те оказались «виноватыми» в своем отношении как к природе, так и к человеку, постольку и разум нередко стал рассматриваться исключительно как проблема, от существования которой если и нельзя избавиться, то, по крайней мере, можно ограничить ее присутствие сферой решения задач неметафизического плана. В философском смысле этот «житейский» вывод надо понимать как представление о том, что разум, его рациональность, как не оправдавшие свои притязания на познание истины в ее метафизическом значении, должен быть попросту сведен к вопросам обеспечения истинности логического вывода.

С другой же стороны, поскольку надежды на знания, науку, информацию, как на факторы предотвращения системного кризиса, в котором оказалось человечество, стали резко уменьшаться, если даже не исчезать, их место стали занимать иррациональные апокалиптические верования, охватившие сегодня значительную часть общества. В этих условиях выработка оптимальной стратегии конструктивного выхода из интеллектуального и духовного кризиса невозможна без развития новой современной концепции рациональности, призванной оказать влияние на формирование новой, например, коэволюционной, парадигмы мироустройства.

В связи с появлением такого рода задачи еще раз обратим внимание на то, что рациональность – это исторически сложившееся социально-культурное явление, смысл которого может быть выявлен только путем обращения к разным своим историческим типам, которые формировались в ходе общественного развития. Объясняется это тем, что философия по своей сути является ничем иным как формой рационализация мировоззрения. А поскольку общество на разных этапах своей истории неоднократно меняло свое мировоззрение, постольку менялось и содержание понятия рациональности, что и находило свое отражение в изменении соответствующих философских взглядов. Но изменение мировоззрения общества всегда является отражением того, что возникали новые глобальные задачи, которые подлежали безусловному решению. Следовательно, чтобы объяснить историческое развитие содержания понятия рациональности, мы должны соотнести это содержание с теми эпистемологическими задачами, которые это понятие выполняло на тех или иных этапах развития философии. Или, другими словами, содержание рассматриваемого понятия мы должны соотнести с разными типами эпистемологии.

С этой стороны философия широко и успешно использует деление эпистемологии на классическую и неклассическую. Появление последней объясняется тем, что сегодня в понимании как природы знания, так и в понимании механизмов его производства произошли кардинальные изменения. Такое положение дел привело к тому, что многие исследователи заговорили о необходимости преодоления или переосмысления того, что называется классической эпистемологией и стали предлагать под разными названиями идею эпистемологии неклассической.

Большую популярность получила точка зрения, которая связывает неклассический характер современной эпистемологии с ее междисциплинарностью, с «лингвистическим поворотом» в философии и, наконец, что важно для нашего исследования, с появлением социальной эпистемологии. И здесь мы полагаем, что надо не только анализировать изменения, которые происходят в современной теории познания, но и с новых позиций охарактеризовать ключевые проблемы и принципы эпистемологии. Безусловно, включая сюда и принцип рациональности, что, в свою очередь, должно привести к пересмотру тех или иных ее положений, которые со временем приобрели соответствующие догматические формы. Появление потребности в новой эпистемологии обусловлено целым рядом объективных причин, среди которых особо надо выделить следующие.

Во-первых, общеизвестно, что человечество вступает в ту фазу своего развития, которая получила название «общество знаний». Это привело к тому, что теперь во многом процессы получения, распределения и использования знаний стали определять социальные и экономические характеристики общества. Это значительно расширило круг исследователей, которые занимаются вопросами, связанными с познавательной активностью человека. Так, если ранее их

изучением занималась философия, а позже психология, то сегодня мы имеем множество дисциплин, содержанием которых является их когнитивная направленность. И здесь выяснилось, что опираясь исключительно на традиционную эпистемологию даже просто объединить результаты всех исследований, направленных на решение проблемы получения знаний, но стоящих при этом на различном научном фундаменте, не только чрезвычайно сложно, но, пожалуй, что даже и невозможно.

Во-вторых, и философия, и современная наука отказались от ранее характерной для них претензии на абсолютизм в отношении полученного знания, поскольку последнее приводит к сциентизму, т.е. к такой мировоззренческой позиции, согласно которой научное знание является высшей культурной ценностью и главным, если вообще не единственным, фактором определения места человека в мире. По сути дела, такая абсолютизация исторической роли науки превращает ее в новую религию, призванную решить все проблемы человечества. А это, в свою очередь, неизбежно приводило и продолжает приводить к тому, что игнорируются реальные проблемы, связанные с глобальными негативными последствиями развития науки и техники.

В итоге, понимание релятивности знания, сложности различения знания истины и веры в истину и т.п., породили не только мысль о границах рационального, но и привели к выводу о том, что те способы понимания знания и его получения, наработанные в классической эпистемологии, должны быть заменены или, как минимум, дополнены новыми представлениями об эпистемологии и, следовательно, новыми основаниями получения знания, которые успешно решали бы задачу выяснения истины.

